

ражений. В предисловии он утверждал: «Итак, если я привел бы плохо подстриженную виноградную лозу в качестве эмблемы нерадивого отца семейства, или муху, которая нападает на слона для (олицетворения) отваги, черепицу, которую моют, как (пример) напрасной работы, клятву Курция или деяние Горация для знаменования отваги. . . и с помощью дополнений не затемню их смысл и не возведу к переносному значению, кто же будет тем приведен в удивление или воздаст хвалу? . . . Поэтому мои эмблемы так избраны и приукрашены, дабы они занимали не менее, чем темные тайные письма египтян и пифагорейцев».¹²⁷ Якобу Брюсу, помимо «Иконологии» Рипы, также принадлежали «Эмблемы любви» Вейгеля (одно из изданий О. Вениуса).¹²⁸

Эмблематические сборники, получившие распространение в России, не только предлагали обширный выбор мотивов для прикладных целей, но и различные аспекты их истолкований и осмыслений. Они служили для литературного чтения и рассматривания загадочных и занимательных гравюр, снабжали литературными цитатами и назидательными примерами церковных проповедников и силлабических стихотворцев. Они воспитывали образно-метафорическое мышление и таким образом участвовали в создании художественной атмосферы петровского барокко.

В истории русской эмблематики раскрывается историческое своеобразие русского национального варианта барокко. Оно выразилось в сложном взаимодействии заимствованных форм и мотивов с предшествующей художественной традицией. В новых формах часто продолжало жить старое мировоззрение, а в старых традиционных формах находили выражение новые идеи и устремления. Риторический рационализм барокко облегчал выражение в его формах просветительских идей. Пропаганда новых государственных задач, всей политики петровского времени осуществлялась на основе риторических и изобразительных средств барокко, причем значительную роль играли привычные, давно сложившиеся представления. Секуляризация художественной жизни направила их в новое русло, но прочно и надолго сохранила общую доминанту стиля, чему не помешали ни сдвиги в области литературного языка, ни смена принципов стихосложения, ни появление новых изобразительных средств и мотивов.

Мы с полным правом можем говорить о единстве художественной культуры Петербурга, охватывающем ее различные виды и проявления, — в архитектуре дворцов и церквей, их внутреннем убранстве, корабельном декоре, фейерверках и иллюминациях, книжной графике, школьном театре, панегирической поэзии или церковной проповеди.

¹²⁷ Johannes Sambucus. Emblemata. Antverpiae, 1564 (Библиотека Гос. Эрмитажа в Ленинграде). В БАН имеется издание: Antverpiae, 1569.

¹²⁸ Материалы для истории Академии наук, т. 5. СПб., 1889, стр. 167 и 200.